

И ценности моей жизни

Выходила на странице - 2001-29 национальный - 5 декабря - С. 5

Интересы этого человека всегда выходили за рамки традиционной академической карьеры, крест на которой в свое время поставил телевидение. Кому-то он больше известен как физик, долгие годы возглавлявший лабораторию в «качичнике» – Институте физических проблем, кому-то – как преподаватель и завкафедрой в знаменитом МФТИ и очень многим – как ведущий популярнейшей телепередачи, в течение 26 лет не сходившей с экранов телевизоров.

На встречу в «ОГ» он прибыл сразу после возвращения из США, где участвовал в представлении на Генеральной Ассамблее ООН книги о диалоге цивилизаций. Именно эта тема, а еще «Общая теория роста человечества» и множество других занимают сегодня профессора Сергея Петровича КАПИЦУ, который считает себя представителем категории людей, именуемых на Западе «паблик интеллектьюэл», что можно перевести как «общественно озабоченный интеллектуал».

Отец «знаменитого Капицы»

■ О вашем отце ходили легенды. Какие эпизоды его жизни произвели наиболее сильное впечатление на вас лично?

■ Почему все-таки в годы репрессий ему удалось не только выжить, оставаться на свободе, но и спасти других учеников?

■ Его влияние на вашу жизнь

– Несмотря на то что в последние годы удалось получить доступ к документам сталинского периода и прояснить многие моменты в биографии отца, для меня по-прежнему остается загадкой, как ему удалось в тех условиях сохранить свободу. Я пытаюсь объяснить это магией личности. Отец был человеком очень целеустремленным и жестко настроенным в своей общественной позиции. Кстати говорят, он придерживался социалистических взглядов на организацию экономики и жизни, но так и не вступил в партию. Что также было совершенно невероятно! Он с самого начала поставил себя таким образом, что с ним считались. Например, теперь это точно известно, именно по личному решению Сталина в 1934 году его вынудили оставаться в России для продолжения научной работы. Он подчинился, но при этом добился того, что получил возможность выкупить из Англии основную часть своих лабораторий и за два года построил Институт физических проблем.

Как известно, отец никогда не встречался со Сталиным, а лишь переписывалась с ним. Часть этой переписки теперь опубликована, в основном это были письма об организации науки, а ряд писем был посыпан защищенных гонимых учеными. В середине 30-х годов началась травля замечательного математика академика Лузина, возглавлявшего Московскую школу математиков, Колмогоров и другие крупнейшие математики Москвы были его учениками. Появилась статья в «Правде», где Лузин обвинялся в преклонении перед Западом, в том, что публикует свои статьи только во французских журналах, критически относится к советской действительности. Отец написал решительное письмо Молотову, осуждая такую подпись к крупному учёному. Над этими письмами он очень тщательно работал. В том письме, в частности, говорилось, что у Лузина, конечно, сложный характер, он тяжелый человек, но тем не менее является основателем и руководителем важнейшего для нас направления в науке. На следующий день письма привезли обратно с разрешением: «Вернут гражданину Капицу за недобросовестность. Молотов». Причем привезли фельдшером, в запечатанном пакете из Кремля – уже одно это произвело большое впечатление на окружающих. Прошло время, как будто ничего не происходило, но отец заметил, что дело Лузина несомненно начало рассасываться. Недавно, спустя 60 лет, Павел Рубинин, помощник отца, получивший доступ к президентскому архиву, решил выяснить судьбу этого письма. Оказалось, оно было размножено в 16 экземплярах, раздано членам Политбюро, обсужден вместе с другими письмами в защиту учёного, и в результате этого обсуждения было принято решение прекратить «дело Лузина».

Другая история показывает, насколько отец был решительным в своих действиях, умел сориентироваться и принять решение за считанные секунды. По распоряжению народного комиссара обороны его пригласили освидетельствовать предложение французских изобретателей, которые объявили, что создали самолет с вечным двигателем, и предлагали продать его нам за миллион долларов. Отца привезли за город, на секретный аэродром, где в ангаре под усиленной французской и советской охраной стоял небольшой самолет и вот уже целую неделю крутили винтом. Отец взглянул на него, оглянулся, виду склонил голову, который висел на стене как противопожарное оборудование, бросился к самолету и, к ужасу охраны, из всей силы ударил по фюзеляжу и разнес его в клочья. Тогда все увидели, что самолет был набит автомобильными аккумуляторами. Французы с позором удалились.

И, наконец, третий эпизод, который просто свидетельствует о том, как непредсказуема жизнь, и в какой-то мере является для меня знакомым. В начале 30-х годов отец

занимался проблемой снижения газов, и был таком крупным немецким инженером и предпринимателем Гейландом, который как раз создавал технику снижения газа методом высоких давлений. Впоследствии изобретение отца в области снижения газа методом высоких давлений привели к созданию мощной отрасли промышленности. Когда отец приехал в Берлин, Гейланд принял его и предоставил машину с шофера. И вот как-то вечером шофер спросил отца, надобится ли он ему сегодня. Отец сказал, что нет. «Феномально хорошо», – заявил шофер. – А то герр Гитлер хотел воспользоваться этой машиной»...

Был в Германии и другой очень интересный человек, которого отец хорошо знал, – Пауль Рисбоду, научный издатель, редактор журнала «Натуруссенсацтен», впервые опубликовавший статью об открытии деления ядра с которой по сутки начался ядерный век. Он был женат на еврейке, и в начале 30-х его жена и дочь уехали в Англию, а сам Рисбод остался в Германии. Во время войны этот человек занимал четкие антигитлеровские позиции и, будучи очень хорошо осведомленным о том, что происходит в немецкой науке и технике, снабжал этой информацией союзников. Имея связи по-

в 1973 году я начал работать на телевидении, академик Арцимович мне прямо сказал: «Сергей, если ты ставишь крест на своей академической карьере». Отца это занятие тоже немного раздражало. Помимо, в первое время после присуждения ему Нобелевской премии он скрывался от прессы в Барвихе, но один журналист все-таки удалось туда проникнуть. Я как раз навещал его и присутствовал на интервью. В самом начале она сказала: «Петр Леонидович, смотрите, какой у вас знаменитый сын...», на что отец ответил: «Это я знаменит, а сын мой только известен».

Дважды в одну и ту же реку?

■ Может ли сегодня научно-популярная программа на телевидении повторить успех «Очевидного-невероятного»?

■ Что бы вы изменили в ней, исходя из изменений, произошедших в науке?

■ Что вам не нравится в современном российском телевидении?

– В течение трех последних лет, с того момента, когда передача

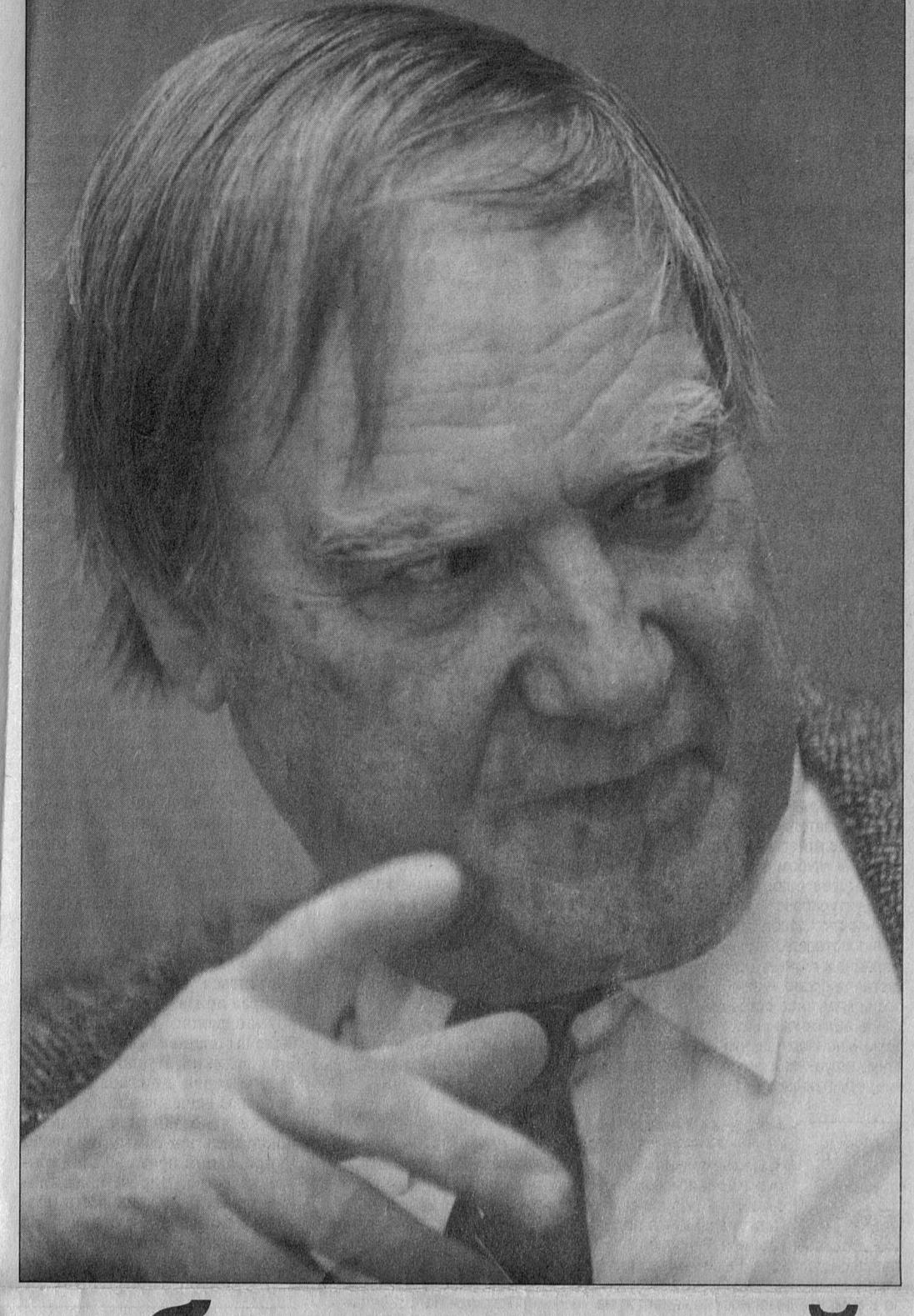
пригласила его в студию. Я посоветовался с Ионезевым, тот сказал, что идея интересная. А потом подумал: а что же я буду делать с Леонтьевым? Я ведь не экономист, и тогда решил пригласить Ионезева тоже. Николай Николаевич сказал, что это надо согласовать хотя бы с Лапиным. В этот момент обед кончился, и все переместились в гостиную пить кофе и коньяк, а я позвонил Лапину. Тот тоже был дипломат: «Ну, если Николай Николаевич согласен...» Я вернулся к величайшему изумлению Ионезева сказал, что вопрос согласован. Мы записали побывающие интересный разговор, который длился час и пошел в эфире практически без сокращений, в двух циклах показа. Основная мысль Леонтьева была образно выражена в том, что стихийные силы рыночной экономики должны быть направлены государством, подобно тому как ветер наполняет паруса, и роль капитана состоит в том, чтобы использовать эту силу и направлять корабль по нужному курсу.

Я думаю, что для своего времени советское телевидение было гораздо более профессиональным и уж, конечно, более точным, по сравнению с современным российским. Ведь, если выражаться казенным языком, телевидение является одним из самых мощных средств воздействия на общественное сознание. Сейчас оно во многом работает против интересов общества и вообще, по-моему, одично до невозможности. По крайней мере, в области науки и культуры, которых я представляю.

К примеру, почему обворовалась на первом канале передача «Очевидное-невероятное»? Потому что руководство начало настаивать на том, чтобы мы проповедовали лженуку, чертовщину, мистику. Я сказал, что не стану, и вынужден был уйти. Тогда они решили делать новую передачу под прежним названием, но, к счастью

следние десять лет уехали в Америку около полутора тысяч выпускников – несомненно лучших наших специалистов. Подготовка одного такого специалиста в Штатах стоит от одного до двух миллионов долларов. Следовательно, один наш институт экспортировал кадров на миллиарды. Эта цифра демонстрирует не только потери, но и преимущества нашей системы образования, которая остается едва ли не лучшей в мире и которая, будем надеяться, окажется настолько консервативной, что ее не сможет испортить предлагаемая реформа.

Другая сторона проблемы. Утекают ли «умы» безвозвратно? Я думаю, что, если бы у нас сложились более или менее нормальные условия жизни внутри страны, начались бы отток кадров оттуда и постепенно образовалось бы равновесие. Поскольку стажировка и работа за границей являются необходимой частью подготовки кадров высшей квалификации, чего у нас раньше просто не было. Европейцы ездят в Америку, американцы – в Европу. Индия начала уже привлекать обратно людей, работающих в США. То же самое происходит с Китаем. В конце 80-х годов у меня была беседа с ректором Стенфордского университета, который сказал: «Нас очень беспокоит существующая ситуация, когда в США учатся 40 тысяч китайцев, а советских людей – меньше тысячи. Это ненормально». Я поинтересовалась насчет китайцев: оказалось, что одна треть присыпается на учебу из КНР официально, одна треть – мировая китайская диаспора, и еще треть – из Тайваня. В Вашингтоне рассказал об этом нашем послу, который заявил, что проблема серьезна и следует написать телеграмму в Москву, заметив, что все его телеграммы читает Горбачев. Сейчас в Америке уже 140 тысяч китайских

В ЧЕТВЕРГ ПОЧЕРНУ С СЕРГЕЕМ ПЕТРОВИЧЕМ КАПИЦЕЙ

Общественно озабоченный интеллектуал

За общие интересы с «Общей газетой»

Сергей

«Очевидное-невероятное» перестала выходить на ОРТ, я пытаюсь возобновить ее на телевидении. Сейчас веду переговоры на третьем канале и надеюсь, что в конце концов нам удастся ее запустить. Но удастся ли дважды войти в одну и ту же реку? Это непростой вопрос. Я изменился, наука изменилась, наконец, изменился телевидение.

Программа «Очевидное-невероятное» родилась почти тридцать лет назад. Два обстоятельства со студией «Прометея» на канале АСТ. Прошлой весной после большого перверыва мы возобновили производство и сделали запись трех передач. Две с лауреатом Нобелевской премии академиком Альферьевым, с которым было интересная беседа о современном состоянии науки. Затем – с известным нашим ученым, который занимается геномом человека, академиком Львом Киселевым, и с одним из крупнейших современных биологов академиком Александром Смирновым о клонировании. Получился живой разговор, так как мы пригласили в студию и их учеников. Однако продолжить работу было невозможно из-за недостатка средств. Я обратился к председателю правления «Газпрома» Рему Вяхреву, но он так и не ответил на мое письмо.

Темы для новых передач были выбраны не случайно. Несомненно, важное место в современных научно-популярных программах должно быть уделено биологии, достижения которой ставят сегодня перед человечеством массу проблем. Другая важнейшая задача – разобраться в процессах, происходящих в сегодняшней российской науке. Например, проблеме утечки умов, которая далеко не так однозначна, как может показаться на первый взгляд.

Сам я учился в Московском авиационном институте и в физику попал не сразу и довольно сложными путями. Да и впоследствии у меня появился еще одно дело в жизни, которое не сошлось с традиционными представлениями о том, каким должен быть ученик. Когда

статью, права на него принадлежат мне.

В результате два года я работаю со студией «Прометея» на канале АСТ. Прошлой весной после большого перверыва мы возобновили производство и сделали запись трех передач. Две с лауреатом Нобелевской премии академиком Альферьевым, с которым было интересная беседа о современном состоянии науки. Затем – с известным нашим ученым, который занимается геномом человека, академиком Львом Киселевым, и с одним из крупнейших современных биологов академиком Александром Смирновым о клонировании. Получился живой разговор, так как мы пригласили в студию и их учеников. Однако продолжить работу было невозможно из-за недостатка средств. Я обратился к председателю правления «Газпрома» Рему Вяхреву, но он так и не ответил на мое письмо.

Темы для новых передач были выбраны не случайно. Несомненно, важное место в современных научно-популярных программах должно быть уделено биологии, достижения которой ставят сегодня перед человечеством массу проблем. Другая важнейшая задача – разобраться в процессах, происходящих в сегодняшней российской науке. Например, проблеме утечки умов, которая далеко не так однозначна, как может показаться на первый взгляд.

Сам я учился в Московском авиационном институте и в физику попал не сразу и довольно сложными путями. Да и впоследствии у меня появился еще одно дело в жизни, которое не сошлось с традиционными представлениями о том, каким должен быть ученик. Когда

студентов, но они постоянно возвращаются обратно и становятся важным фактором интеграции китайской науки и техники в мировую экономическую систему.

С моей точки зрения, даже если для финансирования науки в бюджете увеличится, это не принесет коренных изменений ситуации, поскольку деньги будут «сыпаться» существующей системой. Прежде всего у нас нет законов, которые бы благоприятствовали инновационной деятельности. Парадокс в том, что наши учены, получив прекрасное образование дома, в Америке могут реализовать себя быстрее и полнее, чем в России. Причем эта проблема давняя. Я как-то обсуждал ее с основателем новосибирского Академгородка академиком Лаврентьевым, у которого была мечта окружить город системой инновационных компаний. Были талантливые молодые люди и было, если помните, такое предприятие «Факел», судьба которого печальная, поскольку дело уничтожили, а людям посадили. Бюрократия до сих пор сопротивляется таким весям, крупным министерствам, чиновникам понимают, что этим им бросается вызов. Для реализации инновационного процесса нужны не только деньги, но и соответствующие условия и определенное отношение. У нас все это отсутствует, потому что многие учены и уезжают.

Что же касается псевдонауки, из-за которой вышел мой конфликт с телевизионными боссами, то, я считаю, просто необходимо сегодня говорить о ней с экранов телевизоров, но совершенно в другом аспекте. Нужно объяснять, почему она вредна, и попытаться найти корни этого явления. Одиночек-изобретатели вечного двигателя существовали всегда, но это всего лишь фон, некий срез общественного сознания. Сейчас, к сожалению, появился псевдонауочный проект, который поддерживается на очень высоком уровне и финансируется государством. Это уже, если возможно такое сравнение, не мелкие жулики, а организованная преступность, которая прорастает до высших слов.

Последствия от ложных заявлений, которые делают в СМИ, очень опасны. Несомненно, это вредно для науки, для общества, для государства. А сегодня есть – среди чиновников, военных, которые кормятся от подобных проектов.

Я думаю, что это связано с распадом общественного сознания и еще более глубокими процессами – кризисом современного общества, который проявляется в голову мысли, а не

только в науке, но и в философии, культуре, политике, и не только в России, но и во всем мире.

В критической точке

■ В своей книге «Общая теория роста человечества» вы доказываете, что человеческая цивилизация сейчас переживает кризис. В чем он выражается?

■ Ваш прогноз развития человечества

■ Изменят ли ход истории события 11 сентября в США?

– Примерно три-четыре года назад в американском журнале «Соути», который считается «левым», страшно прогрессивным и одним из главных журналов общественной мысли в Америке, появилась статья под названием «К трансформативной герметике квантовой гравитации», написанная профессором физики Нью-Йоркского университета Аланом Соколом. Статья на 60 страниц, сотни ссылок на великих философов, физиков, написана учеными-языком. Перед публикацией она, как известно, прошла рецензию. Три рецензента оценили ее как замечательно глубокое исследование фундаментальных проблем естествознания и общественной мысли, как пример интердисциплинарного сотрудничества, и так далее. Но в день выхода статьи автор выступил с заявлением о том, что все написанное – это всего лишь пародия на современные исследования подобного рода, что там нет ни одной мысли, которая имела бы какой-либо смысл, а есть просто набор учесных слов, искусно сплетенных между собой. Сделано это специально, чтобы продемонстрировать пустоту философско-общественной мысли в этом направлении, современным постмодернистской философией. Разразился, конечно, скандал. Два года спустя Алан Сокол вместе с французским физиком Бринкманом написали книгу, которую назвали «Интеллектуальные самозависимости». Сначала она вышла на французском, потом на английском, а скоро появится в России.

Вот только одно из проявления доказательств того, что человечество переживает сейчас критический период своего развития. Этот процесс можно понять и объяснить с общих позиций теорий эволюции систем, что я попыталась сделать в своей книге «Общая теория роста человечества». Если говорить упрощенно, существует разрыв

между материальной и духовной сторонами жизни. Это как с компьютерами – сегодня пятьдесят процентов усилий, денег идет на «железки», а в двадцать раз больше – на программное обеспечение. Причем совершенно очевидно, что последнее в настоящий момент оказалось в тупике. И подобное противоречие возникло сейчас в жизни человечества. Нет крупных идейных систем. В поисках выхода идет отпад в сторону фундаментализма – религиозного, общественного и так далее. Многие считают так рано было хорошо, поэтому давайте жить по-прежнему. Но это невозможно, потому что назад, как известно, пути нет, а нового пути еще не осознали